

Кристине Нёстлингер

Дуйбол- привет!

Перевод с немецкого Павла Френкеля

УДК 821.112.2(436)-053.5

ББК 84(4Авс)

Н56

Автор обложки *Маргарита Чечулина (Greta Berlin)*

Нёстлингер, Кристине.

Н56 Дуйбол-привет! : [для сред. шк. возраста : 12+] / Кристине Нёстлингер ; пер. с нем. Павла Френкеля ; [авт. обл. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 128 с.

ISBN 978-5-00083-441-1

Неладно идут дела в Верхнем Дуйберге. Куда-то пропал снег, а с ним и все туристы-лыжники. Зря метеорологи нюхают воздух и берут пробы грунта: ни одной снежинки за всю зиму здесь не выпало и уже не выпадет — трактирщик Харчманн, владелец отеля Лисманн, лавочник Тюльманн вот-вот разорятся.

Кто спасёт городок? Конечно, дети! Они-то не скучают без снега: знай себе играют в дуйбол — гоняют ватные шарики по столу, дуя на них изо всех сил. «Вот это да!» — восклицает бургомистр и превращает дуйбол в новый вид спорта. Крохотные ватные горошинки разрастаются и становятся большими легкими как пух мячами. Стол заменила просторная поляна между гостиницей и трактиром, а четверо пыхтящих ребят оказались тренерами для зимних туристов с суперфенами. Обхвати покрепче фен, направь на большой пенопластовый мяч и докати его до финишной черты первым! Эта нехитрая забава переворачивает привычную жизнь с ног на голову: соревнования гремят на всю округу и далеко за её пределами. Туристов в Дуйберге теперь хоть отбавляй, и среди них — репортёры, фотографы, даже один миллионер! Но чем это обернётся для некогда мирной деревни, пока неясно...

Кристине Нёстлингер (родилась в 1936 году) уже полвека создаёт детские книги. Их любят в Австрии, Германии, Франции, Испании и многих других странах. В России обладательницу премий им. Х. К. Андерсена и им. А. Линдгрена тоже хорошо знают. В издательстве «КомпасГид» вышла целая серия «Рассказы про Франца» из 19 книг. Повесть «Дуйбол-привет» рассчитана на читателей младшего и среднего школьного возраста.

УДК 821.112.2(436)-053.5

ББК 84(4Авс)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as «Rüb-rüb-hurra! Was in Oberrübersberg geschah» by Christine Nöstlinger
© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017
© Френкель П. Л., перевод, 2018
© Издание на русском языке.

ISBN 978-5-00083-441-1

ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

Как в Верхнем Дуйберге было прежде

Прежде в Верхнем Дуйберге на реке Большой Дуй все выглядело так, как и везде.

Церковь стояла на Главной площади. (Впрочем, никакой другой площади там и не было.) За церковью находилось кладбище, слева от церкви — школа, справа — трактир господина Харчманна, а напротив — магазинчик господина Тюльманна. В единственной его витрине громоздились суповые тарелки и коробки с печеньем вперемешку с рулонами клеенок и ткани. Между магазинчиком Тюльманна и трактиром Харчманна приютилось еще одно невзрачное строение. Первый этаж занимало отделение сберкассы (часы работы: по субботам с 9 до 11), а второй — ведомство бургомистра. Бургомистром был господин Харчманн, владелец трактира.

Вот, собственно, и все дома на Главной площади. За ними шли дом господина пастора, гостиница господина Лисманна, домик сестер Зудмайер (он стоял вприкрык к ограде кладбища, сестер же звали Анна и Мария). Довершали картину крестьянские подворья Рогмайеров, Волмайеров и Быкмайеров.

В центре Главной площади красовался фонтан. А что до реки, то Большой Дуй втекал в Верхний Дуйберг, петляя меж подворьями Волмайеров и Быкмайеров, огибал с тыла школу и кладбище и перед самым пасторским домом покидал пределы долины.

Вокруг Верхнего Дуйберга теснились высокие горы. В деревню не ходили ни поезда, ни автобусы. Те, кому нужно было в Верхний Дуйберг, добирались туда только на машине. После указателя «ДУЙСТЕР» сворачивали с автобана, после указателя «ДУЙБИНГЕН» — с шоссе, а после указателя «ВЕРХНИЙ ДУЙБЕРГ 6 км — НИЖНИЙ ДУЙБЕРГ 8 км» и с проселочной дороги тоже сворачивали. И ехали по просеке, колдобистой, каменистой, грязной, гололедистой, заснеженной — смотря по времени года. (Впрочем, колдобистой она была всегда.)

Вот так и попадали в Верхний Дуйберг. О Нижнем Дуйберге до поры до времени распространяться не будем, тем более что состоит он всего из трех подворий: Свинмайера, Козмайера да Курицмайера.

Если идти по дороге от Верхнего Дуйберга в сторону Нижнего Дуйберга, то минут через десять-пятнадцать, смотря в каком темпе шагать, можно добраться до двух очень старых деревенских домов. (В незапамятные времена они прозывались Средним Дуйбергом.) Крыши домов были устланы свежей рыжей соломой, стены свежескрашены в белый цвет, а ставни — в зеленый. Перед одним домом частенько стоял «БМВ-3000», а перед другим — «мерседес-300». Оба дома принадлежали фабрикантам: хозяину фабрики электротоваров Унтенбергу и хозяину фабрики пластиковых изделий Обенбергу. Они проводили там отпуска, а также наезжали по выходным. В доме господина Унтенберга висели шторы в красно-белую клетку, а над входной дверью болтался коровий колокольчик. В доме господина Обенберга висели шторы в бело-голубую клетку, а у входа стояли выдавшая виды скамеечка для дойки и допотопная

маслобойка. Благодаря этому даже без машин можно было отличить один дом от другого.

Вот как оно всё обстояло в Верхнем Дуйберге прежде. Точь-в-точь как и в других девяноста семи горных долинах вокруг. Никому во всей Дуйбергской долине и в голову не приходило, что там хоть что-нибудь может измениться.

Скверный год

Но потом выпал год, когда Титус Унтенберг, сын производителя электротоваров, на зимних каникулах написал такое письмо:

*«Дорогая тетя Мелания,
у нас тут скука смертная, потому что ни одной снежинки еще не упало. Отдыхающие съехали из гостиницы „Лисманн“. А те, кто должен был заехать в субботу, отказались от брони. Потому что у нас снега вообще нет.*

Тита и я умоляли папу свозить нас в Пастухау или в Кнутберг. Там снег уже выпал. Я сам читал прогноз погоды. Но папа говорит, надо набраться терпения. Здесь, мол, тоже снег будет. Вот мы сидим и ждем, и скукотища такая — слов нет.

Обнимаю и целую тебя.

Твой племянник Титус

Племянница твоя Тита шлет приветы, а сама написать ленится, несмотря на скуку».

Унтенберговские дети ждали снега все каникулы. Часами простаивали они возле окон с красно-белыми

шторами, высматривая снежные хлопья. Обенберговские дети в это время торчали у окон с бело-голубыми шторами. И те и другие ужасно злились.

Но куда сильнее возмущался господин Лисманн, хозяин гостиницы: все номера пустовали! А ведь он в сентябре обустроил семь новых комнат... И ухлопал на это кучу денег.

Господин Лисманн сказал жене:

— Ну, если клиент не пойдет, я с долгами не разделаюсь!

Господин Харчманн, бургомистр и трактирщик, тоже кипел от возмущения. Раньше гостиничные постояльцы заглядывали к нему — брали жаркое из свинины. Иные не прочь были и отобедать. Или заказывали чай с пирожными. Господин Харчманн закупил для гостей новые столы и новые кресла, а госпожа Харчманн приобрела новые скатерти, льняные, потому что один из посетителей выразил недовольство синтетическими клеенками. И что же в итоге? Ни одного клиента!

Вечерами Харчманн сживал с господином пастором и господином учителем в удобных креслах, за новехонькими белоснежными скатертями и, стуча кулаком по столу, клял все на свете:

— Если вот-вот не заснежит, я прогорю!

(Господин пастор и господин учитель неизменно собирались за чаем, но на такие «доходы» ни один трактирщик не протянет — разве что ноги.)

Даже господин пастор бранился. Он заказал для церкви дополнительный ряд скамеек, ибо думал: а вдруг да заглянет на воскресную службу один-другой горнолыжник?..

Магазин «Тюльманн» не продал в этом году ни одной лыжной палки, ни одной пары солнцезащитных очков, ни единого тюбика лыжной мази. И продал всего одну видовую открытку. (Ее послала своей подруге Тита Унтенберг с припиской: «Представь всю эту красоту без снега, и тогда поймешь, какая тут скучища!!!»)

Сердились даже сестры Зудмайер. В былые годы они всегда сбывали туристам знаменитые местные шапочки из чистой шерсти. Летом и осенью сестры вязали дни напролет. И теперь в большой коробке покоилось тридцать семь красных шапочек с белыми звездами и зелеными оленями.

Все ребята в деревне тоже сердились. Ведь они так ждали, когда приедут туристы со своими детьми и можно будет вместе с новыми друзьями носиться на лыжах!

Никогда еще жители Верхнего Дуйберга так часто и подолгу не всматривались в небо, как в эту зиму. Каждый день они восклицали: «Сейчас повалит!» Свинцовое небо зависало прямо над головой. Ноздри щекотал знакомый снежный дух. Однако тучи нехотя расползались по небу, потом исчезали, унося с собой и снежный дух. Он стремительно проносился по небу, и после него всё менялось.

— От такого свихнуться можно! — убивался господин Лисманн.

Ужаснее всего было то, что в горных долинах слева и справа от Верхнего Дуйберга лежал глубокий, рыхлый, свежий снег. Во всех девяноста семи долинах снега было хоть завались.

— Мы — чудо природы! — приговаривал господин учитель.

Но хозяева трактира, гостиницы и магазина, а также сестры Зудмайер заявляли, что такое чудо им даром не нужно.

Время от времени господин Лисманн, оказавшийся не у дел, ездил то в одну, то в другую долину, усаживался за стол в местном кабачке и с грустной завистью глядел в окно. Лыжники и саночники валом валили по улицам, снегу наметало до подбородка, и, как господин Лисманн слышал, снять где-нибудь комнату было невозможно.

Когда господин Лисманн возвращался и рассказывал о других долинах, в Верхнем Дуйберге воцарялось беспросветное уныние. У госпожи Харчманн даже катились слезы, и она утирала их белоснежной скатертью. Господин пастор неизменно утешал ее. Он говорил:

— Такой уж нынче скверный год выдался! Бывают годы хорошие, а бывают никудышные! Следующий наверняка будет хорошим! Да, в следующем году снег у нас, глядишь, метра в два ляжет! А в других девяноста семи долинах ни одной снежинки не упадет!

— Это вы серьезно, господин пастор? — всхлипывала трактирщица.

— Ну еще бы, еще бы! — неизменно отвечал господин пастор, и слезы у госпожи Харчманн высыхали.

Только у Ханси, сына господина Харчманна, глаза вечно оставались на мокром месте. Он слыл лучшим горнолыжником в округе. Каждую зиму все ребята с восхищением смотрели, как он мчится с горы. (А больше восхищаться им было нечем.) Теперь Ханси часто сидел в подвале, среди винных бочек, ящиков с луком, картофелем, и поглаживал свои лыжи.

Когда же господин учитель задал в школе сочинение на тему «Мое самое большое желание», дети Верхнего Дуйберга не стовариваясь написали о снеге.

Напрасные ожидания

Делать нечего: обитатели Верхнего Дуйберга стали ждать следующей зимы. А поскольку летом жарило и почти не дождило, в них снова зародилась надежда на снежную зиму. В одном старинном календаре даже имелось на этот случай присловье:

Ежели летом сушь да жарища,
То к Рождеству будет лыжников тыща!

Все лето господин Унтенберг с женой и детьми, Титусом и Титой, провели в своем деревенском доме. В иные времена они оседали там не более чем на месяц. Потом же отправлялись в Мексику, или в Японию, или в Африку. Но в этом году господину Унтенбергу пришлось экономить.

— Мы не можем позволить себе поездку в Америку, — сказал он детям.

Титус и Тита взвыли.

— Получается, у нас зимних каникул и не было... И всё из-за снега!.. — ныла Тита.

— А теперь и летних каникул нормальных не будет... Проторчим в этой дыре!.. — канючил Титус.

Летом в Верхнем Дуйберге и впрямь ничего особенного не происходило. Тут не было ни бассейна, ни теннисных кортов, ни кафе-мороженого — ровным счетом ничего! Господин Унтенберг ужасно переживал

за сына и дочь, но дела у него на фабрике и впрямь шли неважно.

Как-то раз явился к нему неизвестный господин, назвавшийся представителем одной отдаленной и пока еще неразвитой страны. Незнакомец сказал, что ему поручено сделать неслыханный заказ на фабрике Унтенберга. Он попросил изготовить суперфены, намного крупнее и мощнее обычных. Господин из далекой и пока еще неразвитой страны объяснил, что все люди там очень высокие и волосы у них густые и длинные. (Сам он был почти двухметрового роста, но сказал, что в своей стране считается чуть ли не лилипутом.) Кроме того, они там дважды в день купаются, и мокрые волосы надо срочно высушивать, так как в той далекой стране непрерывно дует холодный ветер.

Посетитель показался господину Унтенбергу таким достойным и порядочным человеком, что он всему поверил. Фабрикант велел сконструировать укрупненные фены, переналадил станки для их выпуска и нанял два десятка новых рабочих. Суперфены вышли что надо. Они жужжали как гигантские шмели, с бешеным напором выдувая воздух — и холодный, и теплый, и горячий.

Неделю за неделей господин Унтенберг вместе со своим юристом и рабочими поджидали, когда же явится заказчик и заберет фены. Но тот не приходил. На запрос по адресу, оставленному на фабрике, Унтенбергу ответили: «Господин уже давно отбыл в неизвестном направлении, и вернется он или нет, тоже неизвестно!»

Господин Унтенберг попытался сплавить суперфены, но никто не хотел их брать. Мертвым грузом они лежали

в деревянных ящиках на фабричном складе. Проходя мимо, господин Унтенберг и все складские работники тяжело вздыхали. (Впрочем, господин Унтенберг вздыхал меньше, так как он реже проходил мимо ящиков.) Как бы там ни было, на эти штуки фабрикант ухлопал прорву деньжищ. Приходилось экономить и лишать себя и всю семью поездки за океан...

Господин Обенберг с семьей тоже все лето просидели в Верхнем Дуйберге. Но они и раньше каждое лето там просиживали. Взрослые Обенберги не переносили жару, а в тех странах, где жары не было, они не переносили пищу, или ветер, или еще что-нибудь. Подходил им исключительно Верхний Дуйберг. Дети Обенбергов с радостью куда-нибудь съездили бы, но родителей это нимало не заботило.

Все лето унтенберговские и обенберговские дети играли — возле дома или в лесу, а то и внизу, в деревне. Охотнее всего они играли бы с ребятами с подворий Рогмайера, Волмайера и Быкмайера, но тем приходилось то работать вместе со старшими в поле, то помогать дома по хозяйству.

Всего в Верхнем Дуйберге было четырнадцать детей.

У Харчманна — Ханси и Марианна.

У Лисманна — Польди и Губерт.

У Тюльманна — Фрида и Фанни.

У Рогмайера — Антон, Бертль и Кристль.

У Быкмайера — Франци и Эви.

У Волмайера — Труда.

У господина учителя — Михаэль и Мартин.

(У господина пастора и сестер Зудмайер детей вообще не было.)

Лето миновало. Настала осень, и затянули обложные дожди. Все жители Верхнего Дуйберга ходили радостные, ибо, как сказано в старинном календаре:

Ежели осенью лупят дожди,
Стало быть, вскорости лыжников жди!

Лисманн отмыл до блеска окна в номерах, Харчманн прикупил новых стопок под водку, сестры Зудмайер связали еще двадцать три шапочки, а магазин «Тюльманн» заказал три пачки видовых открыток, ящик лыжной мази и партию горнолыжных очков в семи самых модных вариантах. Господин пастор тщательно вытер пыль с молельных скамеек, а господин учитель хоть и не сделал ничего, зато радовался не меньше остальных.

В начале декабря ведущий телепрограммы новостей сказал, что, по сводкам метеорологов, в ближайшие дни «ожидаются снегопады».

В Верхнем Дуйберге дружно перекрестились и стали ждать. Прождали они целую неделю... Но снегом и не пахло.

— Перед Рождеством часто снега не бывает, — заметил господин пастор.

— Перед Рождеством снег все равно быстро сходит, — сказал господин учитель.

После чего креститься в Верхнем Дуйберге перестали и вернулись к обычным занятиям. Но надежды не теряли.

На выходные прикатили Обенберги и Унтенберги. Титус и Тита вместе с Карин и Кари, детьми Обенберга, крутили головами во все стороны и печально вопрошали:

— Ну где же снег?

— Нынче точно заметет! — сказал господин Харчманн. Громко сказал, чтоб самому в это поверить.

Господин Унтенберг въехал в Верхний Дуйберг с восточной стороны, а господин Обенберг — с западной. Оба видели снег, во всех долинах — справа и слева от Дуйбергской.

— Такие сугробы намело! — рассказывали они. — Всем, кто в другие долины подался, пришлось на колеса цепи намотать!

И они утешали себя тем, что ставить цепи на колеса — жуткая тягомотина. Затем они направились к Харчманну и заказали по большой кружке чая.

На следующий день господин Лисманн созвонился с хозяином гостиницы в одной из девяноста семи долин, и тот под конец разговора сказал торопливо:

— Слушай, Лисманн, мне пора закругляться!.. Надо у входа лопатой пошуровать, а то мои гости из дома выйти не смогут!

— А что у тебя там такое у входа? — тупо спросил господин Лисманн.

— Как что — снег! — проорал на другом конце провода хозяин гостиницы.

И тут господин Лисманн первый раз в жизни упал в обморок.

Господин Харчманн вдвойне страдал от отсутствия снега. Во-первых, он лишался клиентов, а во-вторых, как бургомистр, нес всю полноту ответственности за свою территорию.

— Я должен что-то сделать, я обязан что-то придумать! — говорил господин Харчманн десять раз на дню самому себе, пять раз — своей жене и по разу — Ханси и Марианне.

— Ну так сделай же что-нибудь, наконец! — в сердцах воскликнули Ханси и Марианна. Они были еще в том возрасте, когда верится, что отцы могут всё на свете.

Господин Харчманн действительно кое-что сделал. Для начала он написал письмо метеорологам.

«Уважаемые господа из службы погоды!

С погодой у нас что-то стряслось. Она к нам несправедлива — нет снега, и точка.

Как бургомистр, мириться с ущемленностью моих сограждан я не могу, ведь все мы в отсутствие снега лишаемся каких бы то ни было доходов.

Настоятельно прошу вас изучить данный феномен несправедливости и подумать о возможностях его устранения.

С совершенным почтением,

*Ганс Харчманн,
бургомистр и трактирщик
в Верхнем Дуйберге».*

Метеорологи действительно приехали. Они нюхали воздух, брали пробы грунта и взбирались на местные возвышенности. Все-то они выводывали, и мерили, и считали, и записывали в свои толстые книги. Спустя неделю господин Харчманн получил от них письмо.

В письме сообщалось, что метеорологи тщательно исследовали погодные условия в Верхнем Дуйберге и пришли к заключению: в настоящий момент устранить атмосферную несправедливость никакой возможности нет. Далее пространно говорилось о циклонах и антициклонах, о восходящих потоках испарений и нисходящих массах холодного воздуха.

Но господина Харчманна это уже абсолютно не интересовало. Он положил письмо в ящик своего бургомистерского стола, а на стол положил голову и заплакал.

— Бедные дети! — всхлипывал он, имея в виду вовсе не настоящих детей, а взрослых. Он говорил «дети», потому что сам себе в роли бургомистра казался отцом всех жителей долины.

Господин Харчманн был, однако, человек упрямый. Так быстро он не сдавался. И вот, когда он уныло созерцал две розы в маленькой вазе на своем письменном столе, в голове у него родилась идея.

«Другой вид спорта»

Одна роза в вазе была красная, другая — желтая. Обе искусственные. Господину Харчманну они очень нравились. «Розы — зимой, искусственные розы! — мысленно восхитился он. — Славно, что такое есть на свете». И, как только в голове завертелись «искусственные розы», тут же завертелся и «искусственный снег». Однажды по телевизору бургомистр видел удивительную машину. Сзади она заправлялась водой, а спереди, фыркая и пыхтя, выплевывала первоклассный снег.

Господин Харчманн заглянул сначала в телефонный справочник, но там об установках для искусственного снега ничего не нашлось. Тогда он позвонил в Гильдию изготовителей необычных агрегатов. Ему дали адрес фабрики, которая выпускала снежные пушки. Они-то и были нужны господину Харчманну. Тогда он написал свое второе письмо, на фабрику. И попросил ответить как можно скорее.

Ответ в самом деле пришел очень скоро. От волнения господин Харчманн не мог прочесть ни строчки: буквы плясали перед глазами.

— Ханси! — крикнул он, и сын возник на пороге. — Прочти-ка мне письмо, — велел бургомистр.

В чтении Ханси был не особенно силен. Целая (без двух десятых) вечность прошла, пока он с грехом пополам слепил в одну фразу:

— «Глуб-глуб-око-ува-жа-а-а-е-мый госпо-дин бур-го-мистр».

Господин Харчманн позвал Марианну. Она прочла с бешеной скоростью:

— «Глу́бокоуважаемый господин бургомистр!»

— Это уже было! — встрял Ханси.

Марианна невозмутимо читала дальше:

— «Мы охотно возьмемся выполнить ваш столь почетный для нас заказ — покрыть искусственным снегом всю Дуйбергскую долину».

У господина Харчманна вырвался вздох облегчения. Затем он рявкнул громовое «ура» и запрыгал по комнате на одной ноге. Марианна невозмутимо продолжила:

— «Мы в состоянии обеспечить толщину снежного покрова до одного метра».

Теперь и Ханси с криком «ура» запрыгал на одной ноге.

— «Стоимость снежного покрытия не поддается точному подсчету. Однако мы бы хотели указать примерную сумму (в шиллингах)».

Марианна остановилась.

Господин Харчманн и Ханси тоже остановились.

— Какую?! — завопили они. — Ну, говори же, какую сумму?!

— Впереди единица, — сказала Марианна, — а дальше идут сплошные нули. Столько нулей мы еще не проходили.

— Сосчитай нули! — тихо произнес господин Харчманн.

Марианна сосчитала. Потом так же тихо сказала:

— Тринадцать.

Тут господин Харчманн вырвал у нее из рук письмо, разодрал его на клочки и швырнул их в корзину для бумаг.

— С искусственным снегом —дохлый номер? — подытожил Ханси.

— Тринадцать нулей у нас отродясь не было. И никогда не будет. Тринадцать нулей — это даже в голове не укладывается! — махнул рукой бургомистр.

С той поры Харчманн всякие надежды на снег оставил. И господин пастор с господином учителем веру в снег потеряли окончательно.

Все верхнедуйбержцы слонялись как неприкаянные, мрачно приговаривая:

— Природа к нам несправедлива!

В семье Унтенберга и в семье Обенберга тоже уныло повторяли:

— Природа к нам несправедлива!

По вечерам все собирались в трактире Харчманна и в один голос ругали лыжников и лыжи. Распаляясь, кричали:

— Дикость какая-то! Люди совсем рехнулись! Одни лыжи на уме! Вечно одни только лыжи!

— А ведь могли бы совершать образовательные прогулки — наблюдать за состоянием деревьев зимой, — замечал господин учитель.

— Любоваться богоданной природой и церковью, — говорил господин пастор.

— Получать удовольствие от моей вкусной пищи, — присовокуплял господин Харчманн.

— И от моих новых мягких кроватей, — добавлял господин Лисманн.

— Не тут-то было! — повышал голос господин Тюльманн. — Лыжи им подавай, снег! Ничто другое их не волнует!

— Они помешаны на спортивных развлечениях! — презрительно чеканил господин Обенберг.

— Почему бы зимой не заняться каким-то другим видом спорта! — сокрушался господин Унтенберг.

«Другой вид спорта» не шел у бургомистра из головы. Марианна изрядно напугалась, когда однажды днем заглянула в банкетный зал. Там сидел ее отец и вкушал послеобеденный сон. (Господин Харчманн всегда спал там после обеда и всегда сидя. При этом он клал руки на стол, голову на руки и раскатисто храпел.) Но на сей раз отец не храпел — он чудовищно стонал.

— Папуль, что с тобой? — спросила Марианна и потрясла отца за плечо.

Господин Харчманн испуганно встрепенулся, пробормотал: «Другой вид спорта», снова уронил голову па руки и, постанывая, погрузился в сон. И ночью госпожа Харчманн тоже слышала, как он стонет во сне и бормочет про «другой вид спорта».

— Сдает наш папуля потихоньку, — вздохнул Ханси, а Марианна малость всплакнула.

Они вышли на улицу — посмотреть, нет ли снега. Но в небе снова висела одинокая свинцовая туча,

а по транзистору Ханси диктор сказал: «Во всех горных долинах сильные снегопады, толщина снежного покрова местами до двух метров. Применение противоскользящих цепей обязательно».

Тут Ханси шваркнул свой транзистор о землю и разбил его вдребезги. (А ведь получил он транзистор, между прочим, на день рождения. И до этого мечтал о нем целых два года.)

Случай с шариками

Ханси и Марианна сидели в банкетном зале с Титусом и Титой за столом для постоянных клиентов. Сначала они играли в морской бой, потом в испорченный телефон и еще пускали бумажных голубей. А затем началась игра — странная, ни на что не похожая. Все четверо сидели по одну сторону стола — руки под столом, подбородки на краю стола — и, набирая полный рот воздуха, как можно сильнее дули прямо перед собой.

— Что это они делают? — спросил господин Унтенберг господина Харчманна.

— Шут его знает, — буркнул тот. — Они этим который день занимаются!

— Уж не новый ли это вид спорта? — Господин Унтенберг хохотнул.

— Вид спорта? — Господин Харчманн поставил кружку на стойку, подскочил к столу и стал следить за ребятами.

На столе, на льняной скатерти, лежали четыре маленьких шарика из ваты. Вот оно что! Дети дули на шарики, те катились вперед. Побеждал участник, шарик которого первым достигал другого края стола.

Господам Харчманну и Унтенбергу видение явилось одновременно! Им почудилось, будто крохотные ватные горошинки разрастаются и становятся большими легкими как пух мячами. Стол превращается в просторную поляну между гостиницей и трактиром, а четверо пыхтящих ребят — в четырех зимних туристов.

— Новый вид спорта! — воскликнули господин Унтенберг и господин Харчманн вне себя от радости. Видение было настолько отчетливым, что обоим даже не понадобилось обсуждать это друг с другом.

— Как ваша игра называется? — спросили они ребят.

— Ватное поло! Ватенбол! — сострил Ханси.

— Или дуй-дуй-ка! — подхихикнул Титус.

— Дуйбол! — вскричал господин Унтенберг.

И господин Харчманн также вскричал:

— Дуйбол! — и так высоко подпрыгнул, что задел люстру, которая закачалась туда-сюда.

— Вконец офонарел, — шепнул Ханси Марианне.

Не успели Титус и Тита порадоваться, что хоть их отец не сошел с ума, как господин Унтенберг тоже подскочил до потолка. Да еще при этом так саданул по люстре, что с лампочек слетели все ажурные маленькие плафоны в красно-белую клетку.

Дело в том, что господина Унтенберга осенило: для дуйбола пригодятся суперфены с его склада! Ведь отдыхающие вряд ли смогут гонять по поляне огромные шары без вспомогательного прибора... От такой идеи стоило подпрыгнуть до потолка!

— Слушай, Харчманн, — сказал господин Унтенберг после благополучного приземления. — У меня к тебе, Харчманн, разговор есть.